

УДК 94(47).084.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/13

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС В СИМВОЛИЧЕСКИХ И КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ АНТИ- БОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВОСТОКА РОССИИ ЛЕТОМ 1918 – ОСЕНЬЮ 1919 г.*

К.А. Конев¹, Д.Н. Шевелев²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: konev-k-92@rambler.ru

²E-mail: shev-dn@yandex.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются особенности вовлечения Чехословацкого корпуса в коммеморативные и символические практики, формировавшие политическую идентичность антибольшевистского движения востока России (1918–1919 гг.). Образ чехословацких легионеров был встроен в «нарратив возрождения» – ключевой для восточной контрреволюции идеологический конструкт, сюжетно оформленное повествование, предлагавшее связную картину освобождения страны от большевиков не только дискурсивно, но и через включение чехословаков в официальные торжества, церемонии и ритуалы государственных образований, сформировавшихся в тот период на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока. Авторы ставят перед собой следующие задачи: с одной стороны, определить основные формы символических практик того времени, в которые были вовлечены чехословацкие легионеры и в рамках которых происходила презентация Чехословацкого корпуса региональному сообществу; с другой – выявить механизмы включения недавних (лето 1918 г.) событий в акты коммеморации – актуальные для текущей политической повестки публичные «вспоминания» прошлого. Чехословацкие легионеры являлись постоянными и неотъемлемыми участниками военных торжеств, официальных приемов

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

и празднований, банкетов и траурных мероприятий, проводившихся в Сибири в рассматриваемый период. Данные события, получая особый символический статус в рамках «сценариев власти» антибольшевистских правительств, призваны были обеспечивать формирование позитивных образов сильной власти и ее союзников, в т. ч. чехословаков. Мотив общеславянского единения при этом являлся ключевым. Идея «братства по оружию» между русскими и чехословаками выражалась посредством проведения совместных военных церемоний, а также в процессе формирования образов героев, «павших за общее дело славянства», в ходе торжественных похорон и установки памятников на местах захоронений погибших чехов и словаков. Авторы приходят к заключению, что символические и коммеморативные практики, в которые был вовлечен Чехословацкий корпус, использовались политической пропагандой антибольшевистских правительств востока России, лояльной прессой с целью создания образа «наших братьев по крови» как коллективного героя-спасителя, в качестве источника легитимности новой государственной власти в Сибири, посредника для восстановления отношений с бывшими союзниками по Первой мировой войне, другими славянскими народами.

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, Чехословацкий корпус, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство (Директория), Российское правительство адмирала А.В. Колчака, политический нарратив, символическая политика, коммеморации.

THE CZECHOSLOVAKIAN CORPS IN THE SYMBOLIC AND COMMEMORATIVE PRACTICES OF THE ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS IN THE EAST OF RUSSIA IN THE SUMMER OF 1918 – THE AUTUMN OF 1919*

K.A. Konev¹, D.N. Shevelev²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: konev-k-92@rambler.ru

²E-mail: shev-dn@yandex.ru

* The research was supported by the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Project Nr. 33.1687.2017 / 4.6.

Abstract

The article discusses the formation of the image of the Czechoslovakian Legion within the framework of symbolic and commemorative practices carried out by the Provisional Siberian and Provisional All-Russian governments in the summer of 1918 – the autumn of 1918. The image of the Czechoslovak legionnaires was built into the narrative of the “revival of Russia”, which was considered a key element of anti-Bolshevik ideology. The image was formed in the official representation of the state power through the implementation of various celebrations, rituals, commemorations, and demonstration of certain symbols. Following R.S. Wortman, the authors analyse the representations of the Czechoslovakian Legionnaires within the practices that were part of the “scenarios of power” of anti-Bolshevik governments in Siberia in the summer of 1918 – the autumn of 1919. Czechoslovakian Legionnaires were permanent and integral participants of the military festivities, official receptions and celebrations, banquets and mourning events held in Siberia during the period under analysis. Having a a special symbolic status within the “scenarios of power” of the anti-Bolshevik governments, these events were to create a positive images of a strong state power and its allies, including Czechoslovaks. The motive of the all-Slavic unity was the key one. The idea of “brotherhood in arms” between Russians and Czechs was expressed through joint military ceremonies and in the images of heroes who “died for the Slavdom” in the process of solemn funeral and installation of monuments at the burial places of the Czechs and Slovaks victims. The authors conclude that symbolic and commemorative practices in which the Czechoslovak Corps was involved were used by the political propaganda of the anti-Bolshevik governments in Eastern Russia and by the loyal press to create the image of “brothers in blood” as a collective Hero-Saviour, a source of legitimacy of the new state power in Siberia, a mediator for the restoration of relations with former allies in the First World War and other Slavic nations.

Keywords: Civil War, Siberia, Czechoslovakian corps, Provisional Siberian government, Provisional All-Russian government (Directory), Russian Government of Admiral A.V. Kolchak, political narrative, symbolic politics, commemorations.

30 июня 1918 г. вся полнота государственной власти на территории Сибири перешла от Западно-Сибирского комиссариата (ЗСК) в руки Временного Сибирского правительства (ВСП), сформированного еще в конце января на нелегальном заседании Сибирской областной думы. «Г.К. Гинс (управляющий делами ЗСК, а потом и ВСП – К.К., Д.Ш.), – записал в тот же день в своем дневнике премьер-министр нового правительства П.В. Вологодский, – взялся оформить переход власти объявлением официальных актов населению Сибири. И, по моему мнению, исполнил свою миссию блестяще. Он составил про-

екты нескольких грамот. Проекты эти были тщательно обсуждены, исправлены и сегодня же вылились в окончательной форме» (Вологодский 2006: 62). Одна из этих грамот была адресована «доблестным чехословацким эшелонам». «Судьба объединила нас в борьбе против одного врага, – говорилось в ней. – Вынужденные выступить против большевиков и, выйдя, таким образом, из состояния нейтральности, вы не отказались заключить тесный союз с военными организациями Сибирского правительства и помочь им в борьбе с темными силами, разрушившими русскую государственность... Сибирское правительство отдает должное героическим подвигам своих войск, их энтузиазму и проявленной уже способности к самопожертвованию. Но правительство почитает долгом чести открыто и с благодарностью признать, что в общем ходе военных действий помощь чехословацких войск играет огромную роль как в ускорении момента повсеместного признания его власти, так и в неизменной успешности военных действий». С «искренней и глубокою признательностью» отмечая крупные заслуги чехословацких легионеров в «истории не только Сибири, но и всего славянства», Временное Сибирское правительство выражало «твердую уверенность, что и предстоящие совместные наши действия будут сопровождаться таким же выдающимся успехом» (ВСП 2007: 105).

В начале июля последовал ответ исполнительного комитета чехословацких войск в России: «Преступными действиями большевистских органов, действующих по указу из Берлина, чехословацкая армия была вынуждена выступить на защиту своей неприкосновенности. Выступление почти везде сопровождалось искренним сочувствием и поддержкой местного населения. Народ Сибири, правильно понимая свои интересы и задачи, отмежевывается от советской власти, строит новую жизнь. Чехословацкая армия, сформированная для борьбы за свободу, с искренней любовью содействует освобождению братских народов, она с глубокой радостью следит за созданием новой государственности, нового правового порядка в Сибири, в твердой уверенности, что это будет началом возрождения великой свободной России» (Воля Сибири 1918).

Перед нами не только официальное признание Временным Сибирским правительством вклада легионеров в «освобождение Сибири от самодержавия большевиков», но и своеобразный, заданный новой властью сценарий репрезентации Чехословацкого корпуса в публичном дискурсе того времени.

Политическая символика, церемонии, ритуалы и коммеморации, являющиеся, по словам Б.И. Колоницкого, «важными компонентами политической культуры» (Колоницкий 2012: 10), сегодня все чаще становятся предметом исследования отечественных и зарубежных

специалистов. Как отмечает В.В. Журавлев, само понятие «политическая культура» «прочно вошло в научный инструментарий российской историографии революции и гражданской войны» (Журавлев 2015: 31), тем не менее единая трактовка данного концепта еще не сложилась. Это, однако, не мешает гуманитариям обращаться к изучению тех или иных элементов революционной и ранней советской политической культуры. Так, Е.И. Красильникова в ряде статей исследует такие составляющие советской политической культуры 1920–1940-х гг., как коммеморации, революционные праздники и «красные похороны», рассматривая их на сибирском материале (Красильникова 2014; Красильникова 2017; Красильникова 2018).

В то же время аналогичные символические практики антибольшевистского движения изучаются в меньшей степени. Интерес в данном контексте представляют работы В.В. Журавлева, в которых затрагиваются характер репрезентации верховной власти в лице адмирала А.В. Колчака, символика и особенности титулования в организационных структурах антибольшевистского движения. Чешский историк Т. Якл рассматривает интересную проблему, связанную с возведением на территории Сибири мемориалов, посвященных погибшим чехам и словакам, что проливает свет на особенности практик символической репрезентации легиона (Якл 2016). Особенности формирования представлений о Чехословацком корпусе и участниках антибольшевистского движения в исторической памяти русской эмиграции, советского и современного российского общества представлены в работах Е.В. Волкова (Волков 2007; Волков 2008; Волков 2011; Волков 2015).

Для антибольшевистских правительств востока России (Временное Сибирское, Директория, Российское адмирала А.В. Колчака) Чехословацкий корпус представлял интерес не только в качестве реальной военной силы и серьезного политического фактора, но и как ресурс символической политики – действий власти, направленных на «производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» (Малинова 2011: 106) с целью легитимации собственного политического режима. В качестве такового он был встроен в «нарратив возрождения» – ключевой для антибольшевистского движения идеологический конструкт, сюжетно оформленное повествование, предлагавшее связную картину освобождения страны от большевиков, интегрированную в разделяемые властной элитой того времени представления о прошлом Российского государства.

«Нарратив возрождения» разворачивался не только в публичном дискурсе, в правительственных сообщениях, декларациях,

воззваниях и заявлениях, трансляция и пересказ которых осуществлялись по каналам политической пропаганды и лояльной власти прессы. Он также воспроизводился и проигрывался в символических практиках – официальных актах, ритуалах и церемониях, проходивших на разных уровнях (государственный / местный) и носивших военный / гражданский или религиозный / светский характер.

Цель исследования заключается, с одной стороны, в определении основных форм символических практик того времени, в которые были вовлечены чехословацкие legionеры и в рамках которых происходила презентация Чехословацкого корпуса региональному сообществу; с другой – в выявлении механизмов включения недавних (лето 1918 г.) событий в акты коммеморации – актуальные для политической повестки публичные «вспоминания» прошлого.

Каким образом чехословацкие legionеры оказались задействованы в сценариях власти, разыгранных Временным Сибирским, Временным Всероссийским и Российским адмирала А.В. Колчака правительствами? Все они имели в своем арсенале примерно одинаковый набор инструментов, с помощью которых осуществлялась символическая репрезентация новых политических режимов и их союзников.

Военные церемонии. Буквально сразу после свержения советской власти в сибирских городах военнослужащие чехословацкого корпуса были вовлечены в военные торжества. Импровизированные парады, проводившиеся на улицах отбитых у большевиков городов, привлекали к себе внимание обывателей и порой сопровождались эмоциональными сценами братания. Прибывший в Томск 31 мая 1918 г. чешский отряд в тот же вечер проследовал церемониальным маршем по улицам города к вокзалу. Как отмечала «Сибирская жизнь», прибытие чехов «превратилось в народный прием желанных гостей для обмена приветствиями» (Сибирская жизнь 1). В Красноярске 23 июня марш отрядов 2-го Томского полка и чехословаков также сопровождался «большой толпой», «любовавшейся редким зрелищем военной маршировки» (Свободная Сибирь 1).

В конце мая – начале июня 1919 г. в сибирских городах прошла череда официальных торжеств, посвященных годовщине «освобождения Сибири» от большевиков. Важным элементом этих торжественных мероприятий стали и военные парады. Разумеется, особое внимание в ходе мероприятий уделялось чехословакам как ключевым героям антибольшевистского восстания. Помимо частей гарнизона, в праздничном параде, состоявшемся в Омске 7 июня, участвовал также 6-й чехословацкий полк, занявший город в 1918 г., что, по всей видимости, имело особый символический смысл – герои возвращались

на место своей славы, заново проживая события, ставшие «историческими» (Сибирская речь 1).

В рамках актуализации событий годичной давности происходили их публичное «вспоминание», героизация, вплетение в исторический и текущий политический контексты. «Один год нашего существования вне советской власти – срок небольшой в медленной поступи Истории, но качественно он велик и огромен», – подчеркивала «Сибирская речь». Отмечалась в газете и значимость пережитого: «Если представить себе, что за это короткое время Воскресающая Русь приобрела твердую опору и нашла своего национального Вождя, несущего на Себе Крест Власти, то станет ясно, что этот год равен десятилетию» (Сибирская речь 2).

Во Владивостоке «годовщина освобождения от большевистского ига», отмечавшаяся 29 июня, практически совпала с празднеством по случаю заключения мира в Версале, прошедшего 1 июля, и ознаменовалась масштабными торжествами. Парад в честь чехов запечатлели и американские кинооператоры (Allied expeditionary forces in Siberia). В рамках мероприятия часть одной из центральных улиц города была переименована в Чехословацкий проспект (Голос Приморья 1). Именно там и состоялся парад всех союзных войск (американских, китайских, французских, британских, итальянских, японских, польских, русских, сербских и чехословацких) по случаю «праздника мира» (Голос Приморья 2).

В результате военные церемонии, будучи одним из средств укрепления авторитета антибольшевистских правительств и демонстрации мощи армии, становились значимым инструментом репрезентации идеи единства антибольшевистских и союзных им сил. Парады, являвшиеся «неотъемлемой частью городской зрелищной культуры» (Гефнер 2015: 139), привлекали к себе внимание значительной части городского населения. Подтверждается это не только газетными сообщениями о «десятках тысячах» зрителей, но и кино- и фотоматериалами, запечатлевшими очевидцев, зачастую с интересом наблюдавших за смотрами и парадами в таких городах, как Омск, Екатеринбург, Владивосток. Происходило вовлечение городского населения в публичный ритуал, демонстрировавший воссоздание братства по оружию между возрожденной русской армией и союзниками, который, в свою очередь, символизировал начало восстановления величия страны и возвращения ее в сообщество великих держав.

Торжественные заседания и банкеты. Праздничные застолья с участием представителей союзных «возрождающейся России» наций являлись неотъемлемой частью всех крупных официальных церемоний. После создания единой антибольшевистской власти

рауты и банкеты, так же, как и военные торжества, призваны были укреплять статус Омского правительства своим размахом. Так, по воспоминаниям И.И. Серебренникова, банкет по случаю образования Всероссийского Совета министров, состоявшийся 6 ноября 1918 г., отличался «большой роскошью и, нужно думать, стоил немалых денег». Это, по словам министра, являлось «новшеством в омской практике» (Серебренников 2003: 428).

Представители Чехословацкого национального совета, его российского отделения, командного состава Чехословацкого корпуса принимали активное участие как в официальных церемониях (открытие второй сессии Сибирской областной думы, Уфимского государственного совещания), так и в работе (главным образом, в торжественных открытиях) проходивших тогда многочисленных съездов, конференций и совещаний общественно-политических, социально-классовых, профессиональных и национальных организаций самого разного уровня.

Антибольшевистские силы, придавая большое значение мемориализации антисоветского восстания, стремились превратить устраиваемые ими военные церемонии, а также связанные с ними определенные территории, ритуалы и символы в то, что П. Нора назвал местами памяти (Нора 1999: 17–50). События и объекты, превращаясь в символы, призваны были формировать представления общества о недавнем прошлом, в то же время укореняя в сознании людей ряд вполне определенных идей.

Неизбежным следствием участия чехословацких легионеров в российской междоусобице стали боевые и небоевые потери. **Торжественные похороны** погибших, **мемориализацию** памяти о них также следует рассматривать как один из способов формирования символического единства антибольшевистских сил и дружественного им Чехословацкого корпуса. «Могины умерших, – писал американский антрополог У.Л. Уорнер, – наиболее могущественные из видимых символов, объединяющих все деятельности обособленных групп сообщества. Кладбище и его могилы становятся объектами сакральных ритуалов, которые позволяют конкурирующим организациям, часто вступающим друг с другом в конфликты, умерить свое обычное противостояние и сотрудничать в коллективном выражении более широкого единства всего сообщества. Эти обряды оказывают высшую степень уважения всем мертвым, но особую честь воздают тем, кто погиб, "сражаясь за свою страну". Смерть солдата в бою воспринимается как "добровольная жертва", принесенная им на алтарь родной страны» (Уорнер 2000: 311). Остановимся на этом аспекте подробнее.

В конце августа 1918 г. недалеко от ст. Посольская (Селенгинский

уезд Забайкальской области) погиб начальник штаба Восточного фронта подполковник Б.Ф. Ушаков. «Погиб защитник Родины и ее чести, Генерального штаба подполковник Ушаков, – писала по этому поводу красноярская "Свободная Сибирь". – Будучи начальником штаба, он тем не менее не мог усидеть в штабе и не раз во главе войск бросался на врага. Так было и в последний славный подвиг его у озера Байкала. С десантом переплыл он Байкал, высадился в тылу у красных и ударом с тыла помог войскам, наступающим вдоль железной дороги, разбить целый корпус и захватить громадную добычу. В пылу боя подполковник Ушаков попал в плен к социалистам-большевикам, претерпел от них ужасные мучения и пытки и был убит» (Свободная Сибирь 2).

Немного позднее в официальном издании Временного Сибирского правительства газете «Сибирский вестник» были раскрыты некоторые подробности его гибели. Подполковник Ушаков попал в плен случайно, ошибочно принял оборонявшихся красных за свои части. Желая прекратить огонь, которой, как ему показалось, велся по недоразумению, он сам выскочил из вагона с криком: «Братцы, не стреляйте! Это я, подполковник Ушаков!» (Сибирский вестник 1). «Выстрелы продолжались. Будучи уверен, что это свои, [под]полковник Ушаков сбросил с себя пояс с револьвером и направился к красноармейцам» (Голос Сибирской армии). Когда стало известно о пленении подполковника Ушакова, немедленно был поднят чехословацкий ударный батальон. «Ударники побросали все лишнее, захватив с собой столько, сколько могли, гранат и патронов, и отправились к разъезду 19. Однако, несмотря на все усилия, отбить Ушакова уже не удалось. Все патроны были расстреляны, гранаты также, и приходилось отступать с тяжелым чувством бессилия сделать для любимого человека что-либо большее. Тело полковника Ушакова было найдено на линии, выброшенное из вагона. Люди, видевшие труп, сообщают о сильном его изуродовании, причем раны наносились не только штыком, но еще каким-то полуострым предметом» (Новиков 1999: 74; Сибирский вестник 1).

«В этот момент доложили, что прибыла партия пленных, – вспоминал сопровождавший тело убитого подполковника Ушакова русский офицер. – Гайда, не оборачиваясь, резко и твердо сказал с характерным для него чехословацким акцентом: "под пулемет". Партия пленных, где было много мадьяр, была немедленно отведена в горы и расстреляна из нескольких пулеметов» (Кириллов 1928: 55).

20 августа российское отделение Чехословацкого национально-го совета по представлению командующего Восточным фронтом полковника Р. Гайды и командира Чехословацкого корпуса гене-

рал-майора В.Н. Шокорова постановило произвести Б.Ф. Ушакова в полковники и наградить «за выдающуюся, неоценимую службу в пользу чехословацкой армии и столько раз доказанную беспримерную храбрость» орденом «За свободу», о чем известили полковника Р. Гайду телеграммой, опубликованной многими сибирскими газетами. «Геройская смерть подполковника Ушакова, – отмечалось в телеграмме, – является тяжелой потерей для нашей армии. Память о подполковнике Ушакове, обожаемом всеми, которые имели возможность познакомиться с его выдающимся воинским талантом и беспримерной личной храбростью, никогда не исчезнет из сердец доблестных наших войск» (Свободная Сибирь 3).

Во многих сибирских храмах «по павшем на поле брани подполковнике Ушакове» отслужили панихиду. В Томске, например, богослужение прошло 25 августа в кафедральном соборе. По приглашению уполномоченного российского отделения Чехословацкого национального совета И. Глосса на ней присутствовали председатель Сибирской областной думы И.А. Якушев, комендант города и представители городского самоуправления (Сибирская жизнь 2).

30 августа Георгиевская дума, созванная командующим Восточным фронтом, приняла решение о награждении полковника Б.Ф. Ушакова, а также командира 7-го Татранского полка Чехословацкого корпуса (ЧСК) полковника Э. Кадлеца и старшего адъютанта оперативного отдела штаба 1-го Средне-Сибирского корпуса поручика Макарова орденом Святого Георгия 4-й степени. Впоследствии приказом № 65 от 3 декабря 1918 г. Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В. Колчак утвердил это постановление (Русская армия 1918).

Захоронение подполковника Б.Ф. Ушакова первоначально предполагалось в Верхнеудинске (в настоящее время – Улан-Удэ), о чем командующий Восточным фронтом сообщил в своей телеграмме, опубликованной сибирскими газетами. «Завтра (21 августа. – К.К., Д.Ш.) в Верхнеудинске будут похороны подполковника Ушакова и всех павших чехословаков и русских. На похоронах будет присутствовать большая часть моих войск» (Свободная Сибирь 4).

Однако группа горожан и представители местной земской управы выступили с инициативой похоронить его в Канске. «Назначенной делегации... было поручено отправиться немедленно на фронт с ходатайством. Решение нашло живой отклик в населении, подтвержденный через устную анкету большинством населения, и тем морем людей, которое своим присутствием почтило память о полковнике Ушакове» (Канский земский голос 1). Выбор места погребения был неслучаен. «В этом городе, – писал в годовщину чехословацкого выступления

"Голос Сибирской армии", – 29 мая перед рассветом он созвал ротных командиров и, прочтя им задержанный телеграфный разговор Красноярского и Иркутского совдепов, содержащий приказание обезоружить чехов и отвезти их в лагерь военнопленных, сказал: "Братья, решайтесь в 10 минут, скоро станет светло, и будет поздно". Через полчаса Канск уже был в руках чехов» (Голос Сибирской армии). Уездная земская управа направила полковнику Р. Гайде телеграмму, в которой отмечалось: «Канский уезд своим освобождением от незаконной советской власти всецело обязан погибшему вождю. Который, горячо любя народ, его свободу и независимость, избавил население, благодаря своему исключительному мужеству, уму и такту, от излишних жертв и твердой рукой сразу ввел законный порядок, оградивший личную и имущественную безопасность граждан. Благодарный Канск, желая хранить у себя прах незабвенного героя, просит Вас разрешить перевезти его для погребения в Канск» (Свободная Сибирь 5).

29 августа тело подполковника Ушакова в сопровождении чехословацкого штурмового батальона было доставлено в Канск, где его похоронили у Свято-Троицкого кафедрального собора. На месте захоронения предполагалось построить часовню, однако позднее было решено установить каменный памятник со скульптурой и надгробной надписью:

Спи, орел наш сизокрылый,
Со спокойной спи душой.
Заслужил ты, друг наш милый,
Славу вечную, покой.

Спас ты всех нас от насилий,
Спас от рабства ты народ...
Побеждал всех, могилу
Победить лишь ты не мог.

Спи же, наш герой чудесный,
Путь окончен твой земной,
Путь другой теперь, небесный,
Встал открытым пред тобой.

Так помолимтесь же, братья,
Мы с поникшей головой
И простимся с тем навеки,
Кто поднялся над толпой (Канский земский голос 2).
Акцентирование внимания на потерях, понесенных чехословац-

ким корпусом, позволяло наглядно продемонстрировать читателям высокие моральные качества «братьев-славян», в героическом свете объяснить мотивы их поступков. Приводя письмо одного из бойцов-чехословаков, описывавшего боевые будни их подразделения, редакция «Народной газеты» отмечала, что цель самопожертвования «наших доблестных друзей» – освободить свою родину от немецкого ига (Народная газета 1918).

С другой стороны, смерть воинов-чехословаков должна была стать выражением искреннего стремления союзников оказать России помощь в ее возрождении. «Светлая память о жертвах, понесенных Вами, и имена Ваших героев навсегда останутся в благодарном сознании братского Вам русского народа наряду с именами родных героев, отдающих наивысшее благо – жизнь за светлое будущее Новой Свободной России», – значилось в адресе, поднесенном представителю Чехословацкого правительства И. Глоссу членами Новониколаевской городской думы в годовщину восстания (Военные ведомости 1919).

Материальным воплощением идеи единства русских и союзников, инструментом героизации участников интервенции и увековечивания памяти о них стали памятники, поставленные погибшим солдатам и офицерам союзных армий на огромных пространствах востока России.

После разгрома советских войск в районе ст. Мурино, Танхой, Мысовая и Посольская (Забайкальская область) и взятия Читы (Симонов 2010: 295–298; Ларьков 2017: 80–81) командир 1-го Средне-Сибирского корпуса полковник А.Н. Пепеляев издал приказ. «От лица службы, именем нашей дорогой Родины благодарю бойцов за беззаветную храбрость, – говорилось в нем. – Впереди нас ждет победа. Воодушевленные любовью к родине, мы не можем не победить. Благодарная свободная Сибирь не забудет храбрость сынов своих, покрывших себя славой на далеких полях Сибири, она не забудет также и тех, кто погиб за свободу и счастье России, кровью своей запечатлев любовь к дорогой Родине» (Дело 1918). В память о погибших сибиряках и чехословаках командир корпуса предложил воздвигнуть монумент на берегу Байкала, который бы напоминал «потомству, что были у России сыны, умевшие в тяжкую минуту своей Родины умирать за нее и побеждать». На сооружение памятника из средств корпуса было выделено 10 тыс. руб., а также объявлена подписка.

Центральной фигурой должна была стать скульптура подполковника Б.Ф. Ушакова, а вокруг нее планировалось разместить «группу солдат и офицеров сибиряков и чехословаков смотрящих на Восток, с надписью: “Братья! Умрем, но спасем Россию. Спасем все Славянство! Умирают раз, нам смерть не страшна! Страшно оставить славян в

рабстве! Во имя лучшего будущего всех славян приказываю: Вперед, братья! Ура! Наздар!»» (Сибирский вестник 2).

По обе стороны предполагалось установить барельефы: с правой – с коллективным портретом военного совета штаба Восточного фронта во главе с Р. Гайдой, Б.Ф. Ушаковым и А.Н. Пепеляевым, с левой – символическое изображение «единения всего славянства». На обратной стороне авторы проекта намеревались выбить «имена и фамилии всех лиц, пожертвовавших на сооружение памятника» (Сибирский вестник 2).

Масштабную деятельность в данном направлении развернули и сами чехи, организовавшие три находившиеся вблизи Екатеринбурга, в Иркутске и во Владивостоке мастерские по изготовлению надгробий, монументов и других художественных изделий (Якл 2016: 94–95). Силами мастерских был создан и установлен целый ряд памятников во многих сибирских городах, первым из которых стал монумент в Челябинске, заверченный к 27 сентября 1918 г. (Якл 2016: 83). Существовали и иные способы увековечивания. В Иркутске в память о погибших чехах, словаках и русских был заложен храм (Сибирский вестник 3).

Открытие памятников сопровождалось торжествами, в ходе которых актуализировались идеи союзного единства и славянского братства. Кроме того, данные мероприятия играли важную роль в процессе конструирования идентичности самих чехов. Так, на открытии памятника во Владивостоке 1 мая 1919 г. доброволец д-р Хорвата в своей речи отметил важность праздника для всей нации, «которая после 300-летнего порабощения впервые получила возможность познать себя» (Голос Приморья 3).

Так же, как и парады, ритуальные акты, связанные с погребением и отдаванием почестей, привлекали к себе немалое количество участников и очевидцев – военнослужащих и гражданских лиц. Это подтверждается и газетными сообщениями, и кадрами кинохроники, и фотографиями (Купцов 2014: 274). Так, на церемонии возложения венков на могилу чехословаков на Морском кладбище во Владивостоке американский кинооператор зафиксировал присутствие большого количества посетителей (Allied expeditionary forces in Siberia).

Примечательно, что отсутствие представителей местных властей на мероприятиях, связанных с поминовением или чествованием союзников, обращало на себя внимание прессы. В июне 1919 г. пресса сообщала о возмущении местных жителей поведением Иркутской городской думы, уклонившейся от чествования чехословаков (Правительственный вестник 1919). По сообщению красноярской кадетской газеты, Иркутская дума, где преобладали левые, отказалась

участвовать в празднике по причине того, что Омское правительство не оправдало надежды социалистов. Такая позиция, разумеется, вызвала непонимание и критику в адрес «революционной демократии» (Свободная Сибирь 6).

Таким образом, похоронные обряды, места их проведения, а также памятники, посвященные погибшим союзникам, можно определить как своего рода «места памяти», призванные укоренить в сознании населения позитивно-героический образ Другого помощника в лице союзников и чехов, отдавших свои жизни за «возрождение России». Важно отметить также, что часто упоминания о погибших в Сибири иностранцах звучали на страницах печати как адресованный обществу призыв оказать поддержку правительству или же как упрек в недостаточном патриотизме. Нередкими в печати были слова, подобные призыву томской «Нашей мысли»: «...будем надеяться, что не угасла еще в народе вера в лучшее будущее, что окрылит его на новые подвиги пример хотя бы наших братьев чехословаков, не задумавшихся пожертвовать всеми личными интересами ради блага и свободы их отчизны, столь же многострадальной, как и наша измученная Россия» (Наша мысль 1918).

Подведем итоги. По воле случая заброшенные на восток России воины-чехословаки оказались вовлеченными в символические и коммеморативные практики, формировавшие политическую идентичность развернувшегося в регионе антибольшевистского движения востока России и укреплявшие легитимность установленных им политических режимов. Образ чехословацких легионеров был органично встроен в «нарратив возрождения» не только дискурсивно, но и через включение чехословаков в официальные акты, торжества, церемонии и ритуалы.

Чехословацкие легионеры являлись постоянными и неотъемлемыми участниками военных торжеств, официальных приемов и празднований, банкетов и траурных мероприятий, проводившихся в Сибири в рассматриваемый период. Данные события, получая особый символический статус, в рамках «сценариев власти» антибольшевистских правительств призваны были обеспечивать формирование позитивных образов сильной власти и ее союзников, в т. ч. числе чехословаков. Мотив общеславянского единения при этом являлся ключевым. Идея «братства по оружию» между русскими и чехословаками выражалась посредством проведения совместных военных церемоний, а также в процессе формирования образов героев, «павших за общее дело славянства», в ходе торжественных похорон и установки памятников на местах захоронений погибших чехов и словаков.

Практики символической репрезентации и коммеморации, в которые был включен Чехословацкий корпус, использовались политической пропагандой антибольшевистских правительств востока России и лояльной прессой с целью создания образа «наших братьев по крови» как коллективного героя-спасителя русского народа, призванного своим авторитетом легитимировать новую государственную власть в Сибири, выступить в качестве своеобразного посредника для восстановления отношений с бывшими союзниками по Первой мировой войне и другими славянскими народами.

ЛИТЕРАТУРА

ВСП 2007 – Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сборник документов и материалов. Новосибирск: Сова, 2007. 818 с.

Военные ведомости 1919 – Из местной жизни. К 25 мая // Военные ведомости. Новониколаевск, 1919. 31 мая.

Волков 2007 – *Волков Е.В.* Память о гражданской войне и Общество русских ветеранов в Сан-Франциско // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 396–417.

Волков 2008 – *Волков Е.В.* «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск: Челябинский Дом печати, 2008. 392 с.

Волков 2011 – *Волков Е.В.* Образы Октября, его героев и врагов на советском экране в 1920–1930-е годы // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сб. ст. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 416–426.

Волков 2015 – *Волков Е.В.* Площадь павших революционеров: чехословацкий «мятеж» глазами советского художника. Челябинск: Каменный пояс, 2015. 158 с.

Вологодский 2006 – *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань: Частное издательство П.А. Трибунского, 2006. 619 с.

Воля Сибири 1918 – Ответ чехословаков Временному Сибирскому правительству // Воля Сибири. Омск, 1918. 11 июля.

Голос Сибирской армии – Полковник Борис Федорович Ушаков // Голос Сибирской армии. Б. м., 1919. 26 мая.

Голос Приморья 1 – Годовщина освобождения владивостокских граждан от большевистского ига // Голос Приморья. Владивосток, 1919. 1 июля.

Голос Приморья 2 – Праздник мира // Голос Приморья. Владивосток, 1919. 1 июля.

Голос Приморья 3 – Открытие памятника чехословакам // Голос Приморья. Владивосток, 1919. 3 мая.

Гефнер 2015 – *Гефнер О.В.* Военные парады в общественной и культурной жизни городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 136–139.

Дело 1918 – Приказ по 1-му Средне-Сибирскому корпусу // Дело. Иркутск, 1918. 10 сентября.

Журавлев 2015 – *Журавлев В.В.* Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. ст. Новосибирск: Параллель; Институт истории СО РАН, 2015. Вып. 6. С. 17–31.

Канский земский голос 1 – Организационный отчет по погребению в г. Канске тела погибшего в бою русского героя полковника Б.Ф.Ушакова // Канский земский голос. Канск, 1918. 3 сентября.

Канский земский голос 2 – Пред могилой Б.Ф.Ушакова // Канский земский голос. Канск, 1918. 3 сентября.

Кириллов 1928 – *Кириллов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага, 1928. № 4. С. 36–68.

Колоницкий 2012 – *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012. 318 с.

Красильникова 2014 – *Красильникова Е.И.* Коммеративное значение массовых похорон жертв гражданской войны в губернских городах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 71–75.

Красильникова 2017 – *Красильникова Е.И.* Формирование системы мест памяти, связанных с событиями революции и гражданской войны в городах Западной Сибири (1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 55–59.

Красильникова 2018 – *Красильникова Е.И.* Коммеморация противостояния: конструирование локусов памяти о гражданской войне в городах Сибири // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 57–75.

Купцов 2014 – *Купцов И.В.* Краткая история чехословацкого корпуса (К установке памятника чехословацким legionерам в 2011 году) // Гороховские чтения: материалы пятой региональной музейной конференции. Челябинск, 7 ноября 2014 г. Челябинск, 2014. С. 269–280.

Ларьков 2017 – *Ларьков Н.С.* Сибирский белый генерал. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 312 с.

Малинова 2011 – *Малинова О.Ю.* Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. Т. 15, № 3–4. С. 106–122.

Народная газета 1918 – Интересное письмо с Иркутского фронта // Народная газета. Томск, 1918. 11 июля (28 июня).

Наша мысль 1918 – К формированию Сибирской армии // Наша мысль. Томск, 1918. 27 июня.

Новиков 1999 – *Новиков П.А.* Борис Федорович Ушаков: штрихи к портре-

ту // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1999. № 6. С. 73–75.

Нора 1999 – *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция–память / П. Нора и др. СПб., 1999. С. 17–50.

Правительственный вестник 1919 – Телеграммы. Красноярск // Правительственный вестник. Омск, 1919. 6 июня.

Русская армия 1918 – Официальный отдел. Приказ Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами России № 65 // Русская армия. Омск, 1918. 11 декабря.

Свободная Сибирь 1 – Военная прогулка // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 27 (14) июня.

Свободная Сибирь 2 – Нарышкин П.А. Память героя Генерального штаба подполковника Ушакова // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 18 (5) сентября.

Свободная Сибирь 3 – По Сибири. Чехословацкий национальный комитет о подполковнике Б.Ф. Ушакове // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 1 сентября (19 августа).

Свободная Сибирь 4 – Телеграммы. Занятие чехословаками и войсками Сибирского Временного правительства Верхнеудинска // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 24 (11) августа.

Свободная Сибирь 5 – Корреспонденция. Канск // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 1 сентября (19 августа).

Свободная Сибирь 6 – Красноярск, 4 июня // Свободная Сибирь. Красноярск, 1919. 4 июня.

Серебренников 2003 – *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход / Сост. и предисл. В.А. Майера. М.: АСТ; Ермак, 2003. 695 с.

Сибирская жизнь 1 – Чехословацкий эшелон в Томске // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 6 июня.

Сибирская жизнь 2 – Томская жизнь. Панихида по подполковнику Б.Ф. Ушакову // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 27 августа.

Сибирская речь 1 – Местная жизнь. Парад войскам // Сибирская речь. Омск, 1918. 8 июня.

Сибирская речь 2 – Омск, 7 июня. 1919 г. // Сибирская речь. Омск, 1918. 7 июня.

Сибирский вестник 1 – Подробности гибели полковника Ушакова // Сибирский вестник. Омск, 1918. 7 сентября.

Сибирский вестник 2 – Проект памятника погибшему Ушакову // Сибирский вестник. Омск, 1918. 6 сентября.

Сибирский вестник 3 – Памятник воинам // Сибирский вестник. Омск, 1918. 25 октября.

Симонов 2010 – *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск: НГУ, 2010. 613 с.

Уорнер 2000 – Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 671 с.

Якл 2016 – Якл Т. «В память о братьях, павших на Руси»: строительство памятников павшим чешским добровольцам в России в 1918–1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 2 (19). С. 94–95.

Allied expeditionary forces in Siberia – Allied expeditionary forces in Siberia // Records of the Office of the Chief Signal Officer, 1860–1985. National Archives. URL: <https://catalog.archives.gov/id/24666> (дата обращения: 15.04.2018).

REFERENCES

Shishkin, V.I. (ed.) (2007) *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.)* [Provisional Siberian government (May 26– November 3, 1918)]. Novosibirsk: Sova.

Voennye vedomosti. (1919) Iz mestnoy zhizni. K 25 maya [From local life. To May 25]. 31st May.

Volkov, E.V. (2007) Pamyat' o grazhdanskoj voyne i Obshchestvo russkikh veteranov v San-Frantsisko [Memory of the Civil war and the society of Russian veterans in San Francisco]. In: Narskiy, I.V. (ed.) *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii* [World Wars in the History of Russia]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas. pp. 396–417.

Volkov, E.V. (2009) *“Gidra kontrrevolyutsii”. Beloe dvizhenie v kul'turnoy pamyati sovetskogo obshchestva* [The Hydra of Counterrevolution”. White Movement in the cultural Memory of the Soviet Society]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy Dom pechati.

Volkov, E.V. (2011) Obrazy Oktyabrya, ego geroev i vragov na sovetskom ekrane v 1920–1930-e gody [Images of October, his heroes and enemies on the Soviet screen in the 1920s–1930s]. In: Alebras, N.N., Grishina, N.V. & Krasnova, Yu.V. (2011) *Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noy i mirovoy kul'tury XVIII–XXI vekov* [History and historians in the space of national and world culture of the 18th – 21st centuries]. Chelyabinsk: Entsiklopediya. pp. 416–426.

Volkov, E.V. (2015) *Ploshchad' pavshikh revolyutsionerov: chekhoslovatskiy “myatezh” glazami sovetskogo khudozhnika* [The Square of the Fallen Revolutionaries: The Czechoslovak “rebellion” through the eyes of a Soviet artist]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas.

Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'yer-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitaye (1918–1925 gg.)* [In the power and exile: Diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik governments and immigrants in China (1918–1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.

Volya Sibiri. (1918) Otvét chekhoslovakov Vremennomu Sibirskomu pravitel'stvu [Czech answer to the Provisional Siberian Government]. 11th July.

Golos Sibirskoy armii. (1919) Polkovnik Boris Fedorovich Ushakov [Colonel Boris Fedorovich Ushakov]. 26th May.

Golos Primor'ya. (1919a) Godovshchina osvobozhdeniya vladivostskikh grazhdan ot bol'shevistskogo iga [Anniversary of the liberation of the citizens of Vladivostok from the Bolshevik yoke]. 1st July.

Golos Primor'ya. (1919b) Prazdnik mira [Peace Holiday]. 1st July.

Golos Primor'ya. (1919c) Otkrytie pamyatnika chekhoslovakam [Opening of the monument to the Czechoslovakians]. 3rd May.

Gefner, O.V. (2015) Voennyye parady v obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni gorodov Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Military parades in the social and cultural life of the cities of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. "Istoricheskiye nauki" – Herald of Omsk University. Historical Studies.* 2(6). pp. 136–139.

Delo. (1918) Prikaz po 1-mu Sredne-Sibirskomu korpusu [Order on the 1st Central Siberian Corps]. 10th September.

Zhuravlev, V.V. (2015) Ponyatiye "politicheskaya kul'tura" v sovremennykh issledovaniyakh po istorii revolyutsii i grazhdanskoy voyny v Rossii [The notion of "political culture" in modern studies on the history of the Revolution and the Civil War in Russia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the 20th century]. Vol. 6. Novosibirsk: Parallel'; SB RAS. pp. 17–31.

Kanskiy zemskiy golos. (1918a) Organizatsionnyy otchet po pogrebeniyu v g. Kanske tela pogib-shego v boyu russkogo geroya polkovnika B.F. Ushakova [Organizational report on the burial in Kansk of the body of the Russian hero Colonel B.F. Ushakov]. 3rd September.

Kanskiy zemskiy golos. (1918b) Pred mogiloy B.F. Ushakova [Before the tomb of B.F. Ushakov]. 3rd September.

Kirillov, A.A. (1928) Sibirskaya armiya v bor'be za osvobozhdenie [Siberian army in the struggle for liberation]. *Vol'naya Sibir'*. 4. pp. 36–68.

Kolonitskiy, B.I. (2012) *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: to the study of the political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg: Liki Rossii.

Krasilnikova, E.I. (2014) The commemorative significance of mass funerals held for Civil War victims in the provincial cities of Western Siberia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 2. pp. 71–75 (In Russian).

Krasilnikova, E.I. (2017) Forming the system of memorial places related to the events of revolutions and Civil War in Western Siberia (1920s). *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 24(1). pp. 55–59 (In Russian).

Krasilnikova, E.I. (2018) Commemoration of the confrontation: the construction of memory's loci about the Civil War in the cities of Siberia. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki – Praxema. Journal of Visual Semiotics*. 3 (17). pp. 57–75 (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-57-75

Kuptsov, I.V. (2014) [A brief history of the Czechoslovak Corps (To the installation of a monument to Czechoslovak Legionnaires in 2011)]. *Gorokhovskie chteniya* [The Gorokhov Readings]. Proc. of the Fifth Regional Conference. Chelyabinsk, November 7, 2014. Chelyabinsk. pp. 269–280.

Larkov, N.S. (2017) *Sibirskiy belyy general* [Siberian White General]. Tomsk: Tomsk State University.

Malinov, O.Yu. (2011) Tema proshlogo v ritorike prezidentov Rossii [The theme of the past in the rhetoric of the presidents of Russia]. *Pro et Contra*. 15(3–4). pp. 106–122.

Narodnaya gazeta. (1918) Interesnoe pis'mo s Irkutskogo fronta [An interesting letter from the Irkutsk front]. 11th July.

Nasha mysl'. (1918) K formirovaniyu Sibirskoy armii [To the formation of the Siberian army]. 27th June.

Novikov, P.A. (1999) Boris Fedorovich Ushakov: shtrikhi k portretu [Boris Ushakov: Poems to the portrait]. *Belaya armiya. Belaye delo*. 6. pp. 73–75.

Nora, P. (1999) Mezhdru pamyat'yu i istoriey. Problematika mest pamyati [Between memory and history. Realms of Memory]. In: Nora, P. et al. *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. Translated from French. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 17–50.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919) Telegrammy. Krasnoyarsk [Telegrams. Krasnoyarsk]. 6th June.

Russkaya armiya. (1918) Ofitsial'nyy otdel. Prikaz Verkhovnogo pravatelya i Verkhovnogo glavnokomanduyushchego vsemi sukhoputnymi i morskimi silami Rossii № 65 [Official Section. Order Nr. 65 of the Supreme Ruler and Supreme Commander of all Land and Maritime Forces of Russia]. 11th December.

Svobodnaya Sibir'. (1918a) Voennaya progulka [Military Walk]. 27th June.

Svobodnaya Sibir'. (1918b) Naryshkin P.A. Pamyat' geroya General'nogo shtaba podpolkovnika Ushakova [Naryshkin P.A. Memory of the hero of the General Staff Lieutenant Colonel Ushakov]. 18th September.

Svobodnaya Sibir'. (1918c) Po Sibiri. Chekhoslovatskiy natsional'nyy komitet o podpolkovnike B.F. Ushakove [In Siberia. The Czechoslovak National Committee on Lieutenant Colonel B.F. Ushakov]. 1st September.

Svobodnaya Sibir'. (1918d) Telegrammy. Zanyatiye chekhoslovakami i voyskami Sibirskogo Vremen-nogo pravitel'stva Verkhneudinska [Telegrams. Occupation by Czechoslovakians and troops of the Siberian Provisional Government of Verkhneudinsk]. 24th August.

Svobodnaya Sibir'. (1918e) Korrespondentsiya. Kansk [Correspondence. Kansk]. 1st September.

Svobodnaya Sibir. (1918) Krasnoyarsk, 4 iyunya [Krasnoyarsk, June 4]. 4th June.
Serebrennikov, I.I. (1918) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Velikiy otkhod* [Russian Civil War: Great retreat]. Moscow: ACT.

Sibirskaya zhizn'. (1918a) Chekhoslovatskiy eshelon v Tomske [Czechoslovak troop train in Tomsk]. 6th June.

Sibirskaya zhizn'. (1918b) Tomskaya zhizn'. Panikhida po podpolkovniku B.F. Ushakovu [Tomsk life. Memorial service for Lieutenant Colonel B.F. Ushakov]. 27th August.

Sibirskaya rech'. (1918a) Mestnaya zhizn'. Parad voyskam [Local life. Military parade]. 8th June.

Sibirskaya rech'. (1918b) Omsk, 7 iyunya. 1919 g. [Omsk, June 7, 1919]. 7th June.

Sibirskiy vestnik. (1918a) Podrobnosti gibeli polkovnika Ushakova [Details of the death of Colonel Ushakov]. 7th September.

Sibirskiy vestnik. (1918b) Proekt pamyatnika pogibshemu Ushakovu [The project of the monument to the deceased Ushakov]. 6th September.

Sibirskiy vestnik. (1918c) Pamyatnik voynam [Monument to the soldiers]. 25th October.

Simonov, D.G. (2010) *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [White Siberian Army in 1918]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

Warner, W. (2000) *Zhivye i mertvye* [The Living and the Dead]. Translated from English. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

Yakl, T. (2016) "To the Memory of Brothers Died in Rus'": Building the Monument for Killed Czechoslovakian Volunteers in 1918–1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2(19). pp. 94–95 (In Russian).

Federal Government Archives, USA. (n.d.) *Allied expeditionary forces in Siberia - Allied expeditionary forces in Siberia*. [Online] Available from: <https://catalog.archives.gov/id/24666>. (Accessed: 15th April 2018).

Конев Кирилл Александрович – ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Kirill A. Konev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Шевелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Dmitry N. Shevelev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shev-dn@yandex.ru